18+

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 0131-6044

9 770131 604002

РОМАН-ГАЗЕТА

2026 №2

Дмитрий Поляков-Катин / *Цепная реакция*

ДЕЛА ЛИТЕРАТУРНЫЕ

Журналы — уникальное явление нашей культуры

8 декабря в Центральном Доме литераторов состоялся XVIII внеочередной съезд Союза писателей России. В работе Съезда приняли участие 117 делегатов, представляющих региональные отделения Союза писателей России. Руководитель СПР Владимир Мединский в своем выступлении поблагодарил литераторов за проделанную работу по обновлению Союза писателей России и отметил, что взятый в феврале 2025 года курс на консолидацию писательского сообщества страны, реализуется. Он также отметил, что проделана огромная работа по выполнению поручения Президента относительно возврата собственности Союза писателей СССР. Делегаты выразили благодарность Правлению СПР за активную работу по консолидации писательского сообщества и за поддержку членов Союза писателей России, принимающих участие в специальной военной операции. На съезде были заслушаны доклады по актуальным вопросам, касающимся деятельности СПР. Члены правления СПР отчитались перед делегатами о выполнении решений XVII Съезда о консолидации литературного сообщества на базе Союза писателей России.

Главный редактор журнала «Роман-газета» Юрий Козлов в своём выступлении затронул ряд важных для литературного сообщества страны вопросов.

Мы встречаемся с вами в исторический день. 8 декабря 1991 года прекратил существование СССР. Последствия этого события до сих пор сильно влияют на нашу жизнь. Нынешнее состояние литературного дела в России здесь отнюдь не исключение. В данный момент, если суммировать численность всех существующих союзов, писателей у нас в несколько раз больше, чем в полуторамиллиардном Китае. Там их около девяти тысяч. Вот почему, говоря об объединении, мы, прежде всего, имеем в виду авторов произведений высокого художественного уровня, доказавших свою творческую состоятельность.

Окончание см. на 3 стр. обложки.

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

2026 №2 /1991/ Основана в 1927 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

Права на использование товарного знака «Роман-газета» принадлежат ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2026
Все права защищены

Журнал зарегистрирован в Министерстве связи и массовых коммуникаций РФ. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68350 от 30.12.2016 г.

Подписаться на журнал «Роман-газета» можно в отделениях связи и через Интернет: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные индексы издания:
в объединенном каталоге ***«Пресса России»*** ***38915*** *на полугодие;*
в электронном каталоге ***«Почта России»*** ***П1526*** *на полугодие*

Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции

Дмитрий Поляков-Катин

Цепная реакция

Роман

Часть третья

Пружина распрямляется

Февраль—март 1945 г.

Москва,
13 февраля

Это была великолепная клинковая бритва золингенской фирмы Dovo. Она носила гордое имя «Бисмарк». Перламутровая ручка, мягко выгнутое лезвие голубоватого оттенка с элегантным тиснением, фирменное клеймо на эрле — он привез ее из первой командировки в Германию. С тех пор она стала предметом зависти сослуживцев и основанием для шутливых упреков в пижонстве — ведь частенько после бессонных ночей ему приходилось бриться на работе. Оно и понятно: практически все пользовались бритвами СТИЗ и «Труд Вача», даже Ванин довольствовался «Примой». Кое-кто упорно счищал щетину затупившимися безопасными лезвиями «Красной звезды», достать которые было проблематично. А у Короткова, видите ли, — «Бисмарк».

Ритуал бритья занимал минут двадцать, в эти двадцать минут он обдумывал то, что произошло за прошедший день, на свежую голову. Он подолгу правил лезвие на ремне из воловьей кожи, предварительно растерев его ладонями, кипятил воняющую хлоркой воду, взбивал в узбекской пиале мыльную пену и старым помазком с отколотой ручкой наносил ее на слегка увлажненный подбородок. Затем, зажав бритву своим особенным хватом, так что она будто бы расправляла крылья, он принимался медленно вести ее под углом сверху вниз, свободной рукой натягивая кожу, чтобы избежать пореза. Споласкивал лезвие в пиале и продолжал движение.

По радио звонкий бас Левитана объявил, что после сорокапятидневных боев немецкий гарнизон в Будапеште сдался войскам 2-го Украинского фронта Красной

Окончание. Начало см. в «Роман-газете» № 1-2026.

Армии. За стеной в соседской квартире послышались крики. Коротков уже знал об этом и даже принял стакан водки накануне вечером, прежде чем идти домой.

Вчера Сталину доложили о скором начале контактов между эмиссарами Гиммлера и представителями Даллеса в Берне. Только что завершилась конференция в Ялте, где три измотанных войной лидера определили контуры послевоенного устройства мира. Сталин был неприятно озадачен новостью разведки. Он долго молчал. Постепенно табак в трубке погас. Потом он вновь раскурил ее, встал, прошелся вдоль стола, замер на месте и, ткнув мундштуком в сторону Меркулова, медленно произнес:

— Вы утверждаете, что переговоры Гиммлера с американскими союзниками будут контролироваться нашими разведчиками. Если это так, то мы будем молчать. Пусть Даллес получает то, что он хочет получить, тем более что при обоюдном желании он получит это в любом случае — но уже без нашего контроля. Нам же надо знать: как далеко продвинулась немецкая наука в деле строительства атомной бомбы? что предложат американцы, чтобы получить немецкую бомбу? что захотят получить взамен немцы? — Он вдруг закашлялся. Выдержал минуту, потом продолжил в той же ровной интонации: — Их условия будут продиктованы одним обстоятельством: успеют они довести урановую бомбу до готовности к применению или к моменту разгрома останутся с полуфабрикатом на руках. Поэтому нам надо понимать, на каком уровне у немецких физиков находится процесс создания боеспособного атомного боеприпаса. Вот что в первую очередь необходимо выяснить у Шелленберга. — Сталин опять умолк. Подошел к столу, выбил трубку. — Судя по донесениям разведки, которые я читал, в Соединенных Штатах с их атомной бомбой не все гладко. Значит, они готовы будут пожертвовать любыми моральными принципами, чтобы как можно скорее справиться с проблемами в Лос-Аламосе. Мы не готовы жертвовать своими моральными принципами, но это не значит, что их беспринципность вынудит нас сорваться и хлопнуть дверью, чего хотят многие. Мы будем молчать — ровно до тех пор, пока не обернем их беспринципность в свою пользу.

Сталин возобновил свое размеренное передвижение вдоль стола. Все напряженно молчали, невольно прислушиваясь к поскрипыванию половиц и тиканию напольных часов в углу. Опытный политик, он думал: как следует понимать лояльность Рузвельта? Его не смутило, что Рузвельт мог быть в курсе намерений Даллеса, но ему претила мысль, что на момент их общения об этом ничего не знал он.

— Пусть разведка осторожно затронет этот вопрос в контактах со своими американскими коллегами. Где-нибудь на нейтральной территории, — попыхивая трубкой, наконец сказал он. — Аккуратно, чтобы не выдать наших сотрудников в Швейцарии. Прозондируйте их готовность сотрудничать, которой нет. Пусть они думают, что мы растерялись, что мы по-прежнему верим в союзническую солидарность. И подключите дипломатию к этому вопросу, товарищ Молотов.

Крупная голова Молотова едва заметно склонилась вперед.

Сталин вернулся на свое место за столом, окинул собравшихся тяжелым взглядом.

— Как это ни странно, — сказал он, — нам теперь надо бояться одного: чтобы об этих переговорах не прознали не причастные к ним лица.

Рука с бритвой резко замерла. Тонкий слой мыльной пены окрасился алым. Короткова с какой-то новой силой пронзила мысль: «Так откуда же все-таки, мать вашу, гестапо узнало о приезде Хартмана? — Он опустил руку с бритвой. — Но не только. Как они узнали о его миссии?»

Когда проснувшаяся жена вышла в прихожую, Коротков уже застегивал верхнюю пуговицу мундира.

— У Сони сегодня вечер поэзии в школе. Ты придешь? — спросила она. — Она очень хочет, чтобы ты был.

Коротков коснулся губами ее щеки:

— Прости, Маша, не знаю. Во сколько?

— В шесть.

— Постараюсь.

Он знал, что не придет. Но духу отказать сразу у него не хватило.

Ванин появился в «конторе» только к обеду. Коротков застал его в столовой. Взяв стандартный набор, состоявший из винегрета, рыбного супа и каши с кусочками мяса, он подсел за стол к Ванину, который уже вычищал коркой черного хлеба дно своей тарелки, одновременно просматривая вчерашнюю «Вечерку».

— А ведь его пасут, Паша, — сказал Коротков, ковырнув вилкой винегрет; к порезу на его щеке прилип клочок газетной бумажки.

— Кого? — не понял Ванин.

— Баварца. И хуже всего то, что мы не знаем, кто это?

— Почему?

— Потому что в любой момент его могут ликвидировать.

Ванин забросил корку в рот, прожевал ее, проглотил и спросил:

— Зачем же его ликвидировать?

— Как только этот имярек получит доступ к первоисточнику, Баварец станет не нужен. И не просто не нужен — опасен.

— Но ведь это могут сделать и люди УСС.

— Могут. Если усомнятся в его полномочиях. Или если поймут, что в качестве связующего звена он им больше не нужен. Но его положение имеет запас прочности, так как здесь две стороны, за которые он уцепился. Такая ситуация, что никто никому не верит до конца. Никто не решится разрубить связующий узел по той хотя бы причине, что времени не будет разбираться, кто тут при чем, когда пойдет чистая информация. Того и гляди, всё кончится. Нет, если он сам себя не выдаст — а он себя не выдаст, я уверен, — то ни немцы, ни янки его не тронут. Потом, может быть, когда всё разрешится.

— А имярек?

— А имярек может попросту убрать его как препятствие. Или как лишнюю инстанцию, способную на шантаж. Да ради такой информации... Мы же не знаем, кто там?

— Ну, вот и не вибрируй раньше времени. Сперва разберись. Тем более что ведь сам говоришь: запас прочности у него есть. Присмотримся к тем, кто окажется рядом. Будем действовать по обстановке. И тревожиться будем тоже по обстановке. Он там не один, если что. — Он кивнул на поднос Короткова. — Ты ешь, давай, винегрет-то. А то дыру в тарелке просверлишь.

Коротков изучающе уставился на Ванина.

— Чего-то ты подозрительно спокоен.

— А я всегда спокоен, Саша. Зачем суетиться? От суеты мысль тупеет. А нам нужна острая мысль. Про холодную голову слыхал? Ну вот... — Он похлопал себя по карманам. — У тебя сигареты есть?

— Папиросы.

— Сойдет. Пошли подымим. И газету со щеки-то сними.

— Ой-ё! — Коротков схватился за щеку.

Было бы неправдой сказать, что Ванина не беспокоила судьба Хартмана. Дело было в его особенной манере выстраивать собственную аналитическую линию: Ванин много слушал тех, кому доверял, расспрашивал, уточнял, прежде чем сделать свой вывод — зачастую совсем иной, но всегда крепко застрахованный от любых контраргументов.

В коридоре, затягиваясь папиросами, они продолжили разговор.

— Так, а Рихтер?

— Пока ничего. После того, как он согласился работать на папашу Мюллера, они от него вроде как отстали. Ждут чего-то. Иногда появляется Шольц, расспрашивает. Их интересует не Рихтер и даже не его хозяева, а Баварец. Как только Баварца не станет, Рихтеру тоже конец.

— Не ошиблись мы, что не отозвали его сразу же?

— Ну а как? В Берлине людей нет. О замене и мечтать не приходится. А уж в РСХА-то... — Коротков безнадежно махнул рукой. — Вывели бы его — и чего? А так — агент самого Мюллера. Позиция сладкая. Если правильно распорядиться...

— Ладно, об этом потом... Ты вот о чем подумай: вчера пришло донесение от лондонской агентуры, что из Берлина вывезли сто тонн национального золотого запаса куда-то в Тюрингию, там соляные шахты, да и к Западному фронту поближе. А следом решено начать перемещение из Восточной Пруссии складов с ураном в том же направлении. Подарок Оппенгеймеру со товарищи. Так вот, есть у нашего высшего командования большое желание этому помешать. По возможности.

— Какое совпадение, я тоже этого хочу. Возможностей, правда, маловато.

— Что у тебя за курево? — Ванин уставился на папиросу Короткова. — Вырви глаз.

— Сам набил, — ухмыльнулся Коротков. — Мне как-то все слабоваты. Вот решил попробовать вскладчину.

Ванин уважительно потряс зажатым в пальцах окурком:

— А не стрельнет?

Цюрих, Берн,
14 февраля

На ресторанной вечеринке «Дагенс нюхетер», приуроченной к 50-летию выхода в свет скандальных «Заблуждений» Сёдерберга, которых почти никто из гостей не читал, да и про автора мало кто слышал, в час коктейля знакомый газетчик свел Хартмана с довольно приятной, если не сказать больше, барышней. Невысокая, с копной непослушных золотисто-пепельных волос, как-то очень элегантно сбитая, при взгляде на нее на ум приходило сравнение то ли с Лорелеей, то ли с Валькирией — в зависимости от ракурса и момента. На ней было простое обтягивающее платье, без лишних деталей и украшений. Застенчивая грациозность парадоксальным образом сочеталась в ней с развратной притягательностью. Общалась она раскованно, с хорошим чувством юмора, с умением пошутить над собой, чувствовалась добротная женская проницательность, подкрепленная эрудицией и ненавязчивой легкостью в отношениях. Звали ее Клэр.

— Клэр Шенберг, — протянула она узкую ручку в шведской перчатке. Хартман принял ее в свою ладонь с приятным ощущением охотника, положившего палец на спусковой крючок.

— Будете стингер? — спросил он.

— С мятным ликером, — ответила она, улыбнувшись. — И побольше коньяка. Иногда хочется почувствовать себя моряком на палубе в пятибалльный шторм.

— Странное желание для красивой девушки.

— Для девушки — да. — Она легкомысленно закатила глаза. — Но я-то уже не девушка. В моем возрасте странные желания подпитывают воображение, а его с каждым годом требуется всё больше.

— Да? В таком случае в моем возрасте полагается спиться.

— Наоборот. В вашем возрасте всё встает на свои места, включая воображение. Алкоголь теряет свою сакральность. Мечты сбылись. Вам и так море по колено.

— Откуда вы знаете?

— Женский опыт похож на машину времени, в которой мужчина — рулевой.

— Страшно представить, чем управляет в ней женщина.

— Как чем? Мужчиной, конечно.

Они рассмеялись.

На импровизированную сцену вышла девочка-подросток и долго, застенчиво читала стихи Вильгельма Экелунда на шведском. «А правда, что Экелунд гомосексуалист?» — громко спросил кто-то. По залу пронесся удивленный гул. Девочка еще больше смутилась и убежала, не закончив выступления. Затем, опять же по-шведски, последовали сцены из «Заблуждений» с полноватым секретарем посольства в роли студента Вебера и двумя долговязыми девицами, по-видимому, сестрами, изображавшими соблазненных им одноклассницу и продавщицу из перчаточного магазина. Исполнители заламывали руки и кричали.

Клэр через длинный дамский мундштук втянула в себя табачный дым, потом нагнулась к уху Хартмана и тихо предложила:

— А не пойти ли нам отсюда? Я ни слова не понимаю.

Хартман согласно кивнул, и они незаметно покинули вечеринку. В воздухе ощущалась влажная морось, грозившая перейти в дождь. Побродив по скудно освещенным узким улочкам Альтштадта вокруг Центрального вокзала, они закрепили знакомство в ресторане национальной кухни отеля «Швайцерхоф». Огромные зеркала, окружавшие зал, позволяли разглядеть Клэр со всех сторон.

— Я не расслышал, чем вы занимаетесь? — поинтересовался Хартман, разливая вино.

— А я не говорила, — мило улыбнулась Клэр. — Вы же не спрашивали.

— Серьезно? Гм... Тогда спрашиваю.

— Держу модный салон на Фраумюнстерштрассе. Рядом с банком «Шпархафен».

— Вот как? Очень разумное расположение.

— Они мои клиенты.

— Это лучшая характеристика вашего бизнеса.

— Нет, есть те, о ком не говорят вслух. Вот они — лучшая характеристика.

— Предлагаю выпить за тех, о ком не говорят вслух. Хватило бы им здоровья, чтоб и нам не захиреть.

— Отличный тост. Отличный.

Они выпили красного вина. Клэр игриво посмотрела на него:

— Я о себе рассказала. А вы?

— О, привлекательным женщинам моя работа не интересна.

— Конечно, — непринужденно рассмеялась Клэр. — Я всегда отличалась смазливым интеллектом. До сих пор наряжаю кукол.

— Ну, хорошо, — сдался Хартман. — Юридическое сопровождение товаров. Занятно, не правда ли?

— Это более надежное дело, чем мода. К тому же сейчас.

— И то, и другое — суть вечные вещи, — нехотя продолжил тему Хартман. — И в годы войны люди хотят красиво одеваться и получать нужное вовремя и в достатке. Нет ничего надежнее человеческих желаний. Важно взять правильное направление деловых усилий и испытанных партнеров, ограниченных в своей верности хорошо проплаченными юристами, чем, собственно говоря, мы с вами и занимаемся.

— Каким же скучным становится бизнес, когда о нем говорят, — надула губы Клэр. — Бизнес надо просто делать и считать барыши.

— Бизнес — американское слово. У нас чаще говорят — гешефт.

— Гешефт — это про спекулянтов.

— И правда, скучная тема, — согласился Хартман. — Давайте-ка я вас повеселю.

Через четверть часа Клэр давилась от смеха, слушая анекдоты, иные довольно скабрёзные, которыми Хартмана бесперебойно снабжал Чуешев, извлекавший их буквально из воздуха: «Вам что больше нравится: вино или женщины? — Зависит от года выпуска», «Почему Гитлер во время демонстраций держит руки скрещенными ниже пояса? — Защищает последнего безработного в рейхе» — и тому подобное. А через час он проводил Клэр на Фраумюнстерштрассе, где она жила в квартире этажом выше своего салона мод. Они долго прощались, шутили, смеялись, долго говорили друг другу, какой замечательный выдался вечер, потом она, как ни банально это звучит, пригласила его к себе на чашку имбирного чая, он, помедлив для приличия, решительно согласился и остался у нее до утра.

Это произошло три дня назад.

Сегодня было пасмурно. Берн зябко нахохлился под низкими тучами, похожими на груду наваленных друг на дружку мокрых перин. Дул пробирающий до костей северный ветер, несущий с собой

уныние и насморк. По стеклам во все стороны расползались дрожащие водяные разводы. Дурное время для путешествий.

— Алли, сердце мое, ну хоть минуту можешь послушать меня спокойно?

— Да, конечно, я слушаю, слушаю.

Даллес медленно, вдумчиво собирал дорожный кофр. Прежде чем положить в него какой-то предмет, он некоторое время стоял над ним с сосредоточенным видом, прижав указательный палец к подбородку. Дорога ожидалась трудная, нужно было учесть все потребности, которые могли возникнуть в пути. Предстояло встретиться с Пашем.

Пашковский не нравился Даллесу, он не любил хамства, и он не любил русских, он предпочел бы, чтобы тот сам явился к нему в Берн или удовлетворился эмиссаром УСС, но Паш выразил желание говорить с персоной не меньше главы бернского центра, а также отказался покинуть передовую, о чем известил Донована, который, в свою очередь, настойчиво попросил Даллеса поехать в Рейнланд самолично. Оттого настроение у него было скверным. А тут еще Клэр заявилась без приглашения. Она стояла, прижавшись спиной к печи, скрестив на груди руки, курила и наблюдала за сборами Даллеса.

— А ведь я приехала из Цюриха, Аллен, и хотела остановиться у тебя, — сказала она с укором.

— Сожалею, но, как видишь, я уезжаю, — без особого сочувствия бросил он, не переставая отбирать вещи; он мог предложить ей остаться, но не предложил. — Могу рекомендовать тебе гостиницу, тут, неподалеку.

— Да нет, спасибо, остановлюсь у подруги. А может, сегодня же поеду обратно.

— Что ж, надо было сообщить заранее.

— Надолго уезжаешь?

— Клэр, я удивлен.

— Ну да, ну да... Как это у вас говорят: поймать врасплох?

— Еще у нас говорят: длинный язык — короткий путь в могилу.

— Ты груб сегодня.

— Чепуха. Просто много забот.

Она подошла к нему и заглянула через плечо ему в кофр.

— Надеюсь, ты взял платки с твоей монограммой? Я заказала еще три штуки.

— Клэр, — устало посмотрел на нее Даллес, — что тебе надо?

Клэр выгнула плечи и отдала ему честь на британский манер — открытой ладонью:

— Господин фельдмаршал, позвольте доложить: ваше задание выполнено!

— Хватит кривляться. Какое задание?

— Как какое? Операция по соблазнению Георга Лофгрена. Как говорится, соблазнен и очень опасен. Ваши приказы, фельдмаршал, исполняются неукоснительно.

На этой фразе Даллес замер и уставился на Клэр:

— Да?.. И как?

— Что как?

— Каков он, этот парень?

— Ты имеешь в виду, каков он в постели? — Клэр туманно улыбнулась. — Полностью соответствует впечатлению от его внешности.

— То есть тебе понравилось?

— Пожалуй.

— Ну, замечательно.

Даллес вернулся к своему занятию.

— И это всё? — искренне удивилась Клэр.

— А что?

— Аллен, солнце мое, у меня задолженность по аренде. — Она нервно загасила недокуренную сигарету в пепельнице. — И потом, я хотела покрыть взносы на автомобиль. Там осталось всего ничего, за два раза. Ты, конечно, поможешь? Твою просьбу я выполнила.

Он опять прервался. Смерил ее бесцветным взглядом через свои маленькие очки и мягко отрезал:

— С чего ты взяла, что Казначейство Соединенных Штатов Америки станет оплачивать твои альковные похождения? Переспала — и переспала. Понравилось, говоришь? Отлично. Может, мне оплатить твой аппетит или сладкий сон? Меня не интересует, каков он в постели, этот парень. Мне надо знать: кто он? С кем он встречается? Какие у него намерения? Вот что мне надо. — Он ласково потрепал ее за щеку и подмигнул: — Будет товар — будут деньги. Аренда, автомобиль... Бизнес, детка моя. Ничего кроме бизнеса.

Оставив Клэр самостоятельно разбираться со своими эмоциями, Даллес защелкнул замки на кофре и спустился во внутренний двор, где его ждал старый «Рено-Вивастелла», на котором удобно было передвигаться по дорогам Франции. В машине уже сидел Геверниц, который только что вернулся из Италии и вызвался проводить Даллеса до границы.

— А где Гарри? — спросил Даллес.

— Да, да, я здесь, — раздался голос из-за спины. К машине спешил Гарри Росс, могучего телосложения водитель, который должен был возить шефа по Франции, одновременно выполняя функцию телохранителя. Ожидалось, что в Ла-Шо-де-Фоне к ним присоединится еще один сотрудник УСС.

— Оружие взял? — спросил Геверниц, когда машина выехала за пределы города.

— Зачем? — добродушно усмехнулся Даллес. — Профессиональный разведчик работает головой — к

насилию прибегают дилетанты. К тому же у меня есть Гарри.

— Да, сэр! — обнажил ряд ровных зубов Росс, которого вряд ли можно было назвать дилетантом, но и он не был вооружен.

— Так как ты съездил? — спросил Даллес.

Геверниц пожал плечами:

— Как всегда: много званых, да мало избранных. Портфель желающих спасти Германию на взаимовыгодных условиях скоро треснет по швам. В основном дипломаты, Риббентроп, от которого ничего не зависит, штабные, министерские, промышленники. С услугами лезут даже японцы. Ну, ты сам это всё хорошо знаешь. Что еще? Повсюду следы англичан, их усы торчат из-под каждого веника. Впечатление, что СИС хочет поквитаться с нами за свою доверчивость. — Двумя пальцами Геверниц помассировал лоб над переносицей. — Был разговор с Бернадотом в Испании. Говорит, что встречался с Гиммлером — но так... никакой конкретики. Гиммлер пытается проявить гуманизм, торгуя концлагерями, дабы очистить себя от всякой скверны плоти и духа в глазах политического бомонда... К нам отношения не имеет.

— Что-то ты много цитируешь Библию.

— Ничего странного, я был в Ватикане. Кстати, у меня сложилось впечатление, что они в курсе наших контактов.

— На чем это основано?

— Ни на чем. Просто интуиция.

— Интуиция — обратная сторона факта.

— Или признак замыленного глаза. Ты не против? — Геверниц вынул из нагрудного кармана плоскую фляжку. — Если сейчас не выпью, засну на полуслове.

Даллес великодушным жестом показал, что не против, и отказался от предложения разделить выпивку. Геверниц налил в колпачок чуть-чуть коньяка, быстро выпил и убрал фляжку обратно.

— Мы говорили в основном о том, что будет после войны, — продолжил он. — У них есть программа содействия. Папа по-прежнему тяготеет к нацистам. Для него это антитеза безбожного коммунизма. Называется «Монастырь». А наши, ты слышал, как это называют? Крысиные тропы, неплохо, да? Сперва тебя помещают в какую-нибудь тихую обитель, а потом — фьють! Как будто и не было! Чем не канал для вывоза за пределы Европы особо ценных наци? Католики, евреи, сирые — и наци!.. Мне показалось интересным поработать с ними на этом направлении.

— Ну, тут нет никакой новости, кроме названия, — подумав, сказал Даллес. — Но это понадобится. Это определенно понадобится. При некоторых условиях такой аргумент потянет на джокер. Поговорим с Морлионом. Полагаю, для него не составит большого труда приоткрыть нам эти тропы. Посмотрим, что с ними делать.

— Так с Морлионом я и говорил. Если мы подключимся к программе, Ватикан будет только рад. Католики — жуткие скряги. Любят строить планы, плетут интриги, а платить предоставляют кому-то другому — во имя Духа Святого, разумеется. А Дядя Сэм погасит любой счет... Да так оно и есть: Дядя Сэм погасит любой счет. Если, конечно, деньги вернутся с процентом.

— Хорошо. — Даллес раскурил трубку. — Об этом позже.

Геверниц потер покрасневшие глаза:

— Кроме того, Ватикан опять получил из рейха просьбу оказать посредничество в прекращении боевых действий в Италии. И опять через бенедиктинцев. Каронти, их лидер, передал мне вот это. — Он сунул Даллесу изрядно помятую записку, в которой излагалось пожелание во избежание новых жертв начать консультации по прекращению боевых действий на итальянском театре в обмен на гарантии территориальной целостности Германии. Заканчивалось послание словами: «Грядущий мир должен основываться на общем соглашении, которое спасет Европу для западной цивилизации. С 1917 года Россия перестала быть частью Европы. И впредь Европа должна заканчиваться у русской границы. Поэтому мирное соглашение должно решить — будет ли Германия принадлежать Европе или нет». — Трудно сказать, с какого этажа в рейхе это упало, но церковники верят, что их авторитета будет достаточно.

Держась двумя пальцами за дужку очков, Даллес пробежал глазами текст и вернул записку Геверницу.

— Что Гиммлер? — спросил он. — Он выбрал кандидатуру?

Геверниц не стал распространяться о своих встречах с промышленником и камергером Папы Римского бароном Луиджи Парилли, которого совокупные силы влияния выдвинули на передний рубеж взаимодействия с союзниками, скользким как мыло, суетливым итальянцем, исторгающим лавины комплиментов, предостережений и посулов практически одномоментно на трех языках.

Решив, что сейчас это лишнее, Геверниц ответил:

— Вольф. В качестве ключевого переговорщика Гиммлер видит генерала Вольфа. Начальника войск СС и полиции в Италии.

— Сколько ему лет? — спросил Даллес.

— Честно говоря, не знаю.

Даллес закрыл глаза и как будто заснул под мерное рычание двигателя. Потом, так же не открывая глаз, он произнес, как бы соглашаясь с собой:

— Значит, прикрывать контакты с Шелленбергом будет Вольф.

Цюрих,
16 февраля

— Пельмени, други мои, очень любил мой муж, — ворковала мадам Лазарева, неумело раскатывая скалкой тесто на кухонном столе. — Пал Палыч так и говорил: лучше пельмешек только водочка, а когда они вместе — так и голова долой. Россия, други мои, начинается в тебе — во мне, в вас, в каждом из нас. И вот эти пельмешки — они тоже Россия. Мы их лепим — и чувствуем себя русскими людьми. Это так важно, так архиважно, други мои. Я приготовила фужеры. Сейчас сделаю тоненькое тесто, и будем фужерчиками вырезать кружочки, а потом набивать их начинкой. Один сделаем с перцем — кому повезет.

Тесто и начинку из курятины приготовила, разумеется, служанка, которую, отказывая себе в некоторых удовольствиях, мадам из последних сил продолжала содержать, ибо без служанки ощущение возвышенного миссионерства казалось неполноценным. Служанка была из перемещенных, из-под Пскова, чудом оказавшаяся в Швейцарии, она, не говоря ни слова, ловко перехватывала у мадам инициативу в домашних хлопотах, отчего у той не возникало чувства бытовой беспомощности. Вот и сейчас она аккуратно вынула скалку из рук оживленно болтавшей хозяйки и быстро превратила бесформенный кусок теста в полупрозрачный блин.

Если бы не Элен, которую мадам также пригласила в гости вместе с ее тётей, Чуешев нашел бы отговорку, чтобы не ехать в пригород, где Лазарева снимала три комнаты на мансардном этаже. Всякий раз, когда кто-нибудь выражал желание с ней увидеться, она назначала рандеву у себя дома, дабы гость имел возможность собственными глазами обозреть и запомнить места, где творил ее великий муж. И поясняла: «Это музейная территория, по сути». Чтобы увидеть Элен, пусть под конвоем тёти, Чуешев готов был ехать, выражаясь возвышенно, хоть на край света. К тому же ему надо было расспросить мадам об одном человеке из военного департамента, с которым она недавно познакомилась на приеме в «Хандельсцайтунг».

— А знаете, Анна Поликарповна, — подала голос тётка Элен, наблюдавшая за манипуляциями служанки, — когда мы жили в России, то пельменей этих, собственно, никогда не ели, даже не пробовали. Только здесь вкусили — благодаря Семену-повару у «Кухелиннера». Он из купцов, кажется? С трактиром на «ты». Чего проще: тесто и фарш.

— У французов есть присказка: если хочешь быть здоровым — питайся как бедняк, — заметила мадам, снимая кухонный фартук.

— Да уж, — иронично улыбнулась Элен, — в кухне бедняка французы знают толк.

— Ах, деточка, вы не сталкивались с нуждой, — вздохнула мадам. — Представьте себе, в Париже, чтобы собрать средства на поддержку голодающих русских беженцев, я клеила картонные коробки к Рождеству для их детишек. Туда клали не только сладости, но и кексы, которые заменяли им хлеб!

Чуешев слегка поморщился от откровений новоявленной Марии-Антуанетты, Элен ответила ему незаметной улыбкой.

Мадам шлепнула в ладоши:

— Нуте-с, други мои, давайте резать тесто!

В комнате появилась младшая дочь, всегда почему-то заспанная, корпулентная девица, похожая на вылезшего из спячки сурка. Мадам обрадовалась дочери так, будто они давно не виделись, и быстренько усадила ее за стоявшую в углу арфу.

— Катенька будет нам играть свои сочинения, а мы займемся делом.

Шустро перебирая короткими пальцами по струнам арфы, младшая Лазарева завела меланхоличную тему, выражавшую, очевидно, мысль о подростковой смуте.

— Вчера был огромный, грандиозный, неповторимый успех в одном, я не вспомню, каком, клубе в Воллинсхофене перед солдатами, которых перевели к нам сюда откуда-то с войны, кажется, — тараторила мадам, деля тесто на кружки́. — Но все они русские. Имя Лазарева буквально оплодотворило их! Как они слушали, о! как они слушали — меня так никогда не слушали! Я им рассказала о нашем изгнании, о творческом наследии моего гениального мужа, как мы жили вдали от нашей Родины, как нуждались. Потом некоторые из них даже подходили ко мне и спрашивали: чем помочь? А один, подумайте только, сунул мне пять франков! Я сохраню их как благодарность обыкновенного человека моему мужу. Какие сердца! Какие души!

— Мама, я не могу так играть! — возмутилась дочь.

— Подожди, милая. — Мадам уже не могла прерваться. — И это при том, что какие-то негодяи, просто никчемные, не побоюсь этого слова, гнусные люди посмели усомниться в ценности наследия Лазарева! Вы не читали последнюю «Русскую мысль»? И не читайте! Я сразу заявила, что подам на них в суд. Речь об уголовном преступлении! Божий закон они уже преступили... Впрочем, о чем это я? Играй, Катенька, играй... Поедим пельмени, и я почитаю вам новый отрывок из своих воспоминаний.

Все невольно поежились. В последний месяц Лазарева замытарила русскоязычную общественность чтением мемуаров, которые она взялась писать, дабы зафиксировать образ супруга в непререкаемо монументальном величии. Дописав очередную главу, она уже не могла продолжать дальше, пока не доне-

сет ее до расползающейся в разные стороны аудитории. Сбежать удавалось немногим, приходилось сидеть и вежливо слушать.

На днях после церковной службы в «Кухелиннер» заглянул проживавший в Цолликоне известный публицист-затворник Ильин. Разочаровавшись в мессианстве Гитлера, он редко бывал на публике, сторонился соотечественников, публиковался под псевдонимом, избегал дискуссий, поэтому его появление в «эмигрантской» харчевне вызвало тихий переполох, отмеченный всплеском слухов. Шептались, что деньги на жизнь ему дает нацист Геббельс, за квартиру платит композитор Рахманинов, а сам он проводит масонские ритуалы на полуночных сборищах где-то неподалеку от кладбища Зильфельда.

Усевшись в дальнем углу, Ильин заказал чаю и углубился в чтение «Нойе Цюрихер Цайтунг». Он механически размешивал уже давно растаявший в чашке сахар, когда к нему с загадочным видом приблизилась мадам.

— Que voulez-vous, Madame? — довольно неприветливо спросил он, оторвавшись от чтения.

— Хочу представиться, Иван Александрович, — кокетливо сказала она по-русски. — Я — Лазарева.

— Вот как? — Ильин отложил газету, встал и предложил ей присесть рядом.

— Мне не нравится слово «вдова», — усевшись, сказала мадам. — Я была и навсегда останусь женой великого Павла Лазарева.

— Вот как? — повторил Ильин с явным недоумением. — Это похвально. — Нахмурился и спросил: — А кто это?

У мадам хватило сил пригласить его на читку своих мемуаров. Ильин вежливо, но твердо отказался, сославшись на занятость. Лазарева оставила ему на столе вырезки из газет с публикациями мужа. Ильин, уходя, забыл забрать их с собой. Он так и не вспомнил, кто такой философ П.П. Лазарев. Это было похоже на вызов.

Оскорбленная мадам решительно кинулась наводить справки об Ильине и, порывшись в соответствующих инстанциях, нашла, что проживает он в Швейцарии без законного права оседлости и без права на труд, о чем немедленно сообщила в Федеральный совет, а заодно и в кантональную полицию Цюриха, предложив разобраться в правомерности его пребывания на территории Конфедерации. Теперь она ждала реакции официальных органов на свой запрос, чтобы продолжить тихую атаку более вооруженной.

В перерыве между пельменями и свежей главой из воспоминаний о Лазареве Элен успела сообщить Чуешеву, что в ее банке наблюдается необыкновенная активность, словно готовится какая-то очень серьезная операция, и, что самое существенное, с участием немцев, как раз именно тех самых влиятельных немцев из рейха, с которыми Банк торговых коммуникаций плотно взаимодействует начиная с 1937 года.

— У меня, вероятно, будет к тебе просьба, — подумав, сказал Чуешев и, посмотрев в напряженные глаза Элен, мягко добавил: — Чего ты, птичка моя? Просто информация, которую ты и так знаешь. Сущие пустяки. Поговорим об этом позже.

Тётя с недоверием посматривала в их сторону. Ей был подозрителен этот парень со скулами пролетария. Она таких помнила.

— Ленуся, — сказала она, — принеси мне подушку под бок.

Пельмени тёте понравились, но съела она только два, с брезгливым видом орудуя ножом и вилкой. Лепить их она не пожелала — даже под звуки арфы. В основном на пельмени налегал Чуешев, однако полсупницы все-таки вернулось на кухню; первый же, который взяла в рот служанка, оказался с перцем.

Под звуки арфы, медленно, с внушительным ударением на важных, по ее мнению, моментах, строго поглядывая поверх очков на обреченно притихших гостей, читала мадам свой косноязычный мемуар, полный восторженности и литературных штампов, и ничего, казалось, не оставалось, кроме как мужественно терпеть до конца. Как вдруг из недр квартиры бесшумно выступил помятой наружности губастый господин лет сорока — в роговых очках, домашних тапках, с книгой под мышкой. Он как будто не ожидал встретить здесь посторонних.

Мадам сбилась на полуслове, смутилась и, немного помявшись, представила незнакомца:

— Между прочим, други мои, вот... прошу любить и жаловать, мой секретарь и советник Олег Нилович Пирогов. Олег Нилович — ученик Пал Палыча. Верный, надежный... ученик. Что бы я делала с наследием великого Лазарева без Олега Ниловича? — И сама себе ответила: — Ничего!

На том чтения завершились.

Рейнланд, гау Эссен,
Альденхофен,
17 февраля

Паш встретил Даллеса на окраине безлюдной деревни Альденхофен — стоял посреди разбитой дороги, точно любящий родственник, и ждал, пока до потери цвета заляпанный грязью «Рено-Вивастелла», проваливаясь в ямы и колдобины, доползет наконец к месту назначения — в расположение 9-й армии генерал-лейтенанта Симпсона. Даллес вылез из машины в состоянии глубокого, гра-